

Черногория

Пераст. Вид на Которский залив

Первый учитель

Василий Журавлев

Фотографии автора и Ольги Свиридовой

«Черногорцы, ведя беспрестанную войну с своими соседями, не впускают ни одного иностранца в свою землю. Путешественник, который пожелал бы снять местоположение, подвергся бы опасности потерять жизнь; они почли бы его за шпиона какой-либо державы, намеревающейся завоевать их», — писал в своих «Записках

морского офицера 1805–1810» в начале XIX в. Владимир Броневский. В эпоху наполеоновских войн он участвовал в морской экспедиции вице-адмирала Сенявина в Средиземное море, а затем даже осмелился критиковать Пушкина за его историю пугачевского бунта. «Наше всё» разнес в ответ талантливого и наблюдательного служаку, но записки Броневского остаются и поныне самым точным наблюдением за нравами этой страны. Сегодня

они воспринимаются особенно иронично, если учесть, что главное богатство страны — это пляжи, а основной источник поступлений в бюджет — туризм.

Бока-Которский залив (Которский залив, Которская бухта) часто называют самым южным фьордом Европы. В действительности это речной каньон, затопленный морем миллионы лет назад. Сегодня — одна из главных туристических достопримечательностей Черногории, куда заходят круизные лайнеры, а раньше — удобная стоянка для базирования флота.

Стратегическую ценность этого залива оценили еще римляне, затем он принадлежал королям Болгарии, Боснии, Сербии. Долго здесь правили венецианцы, затем он перешел под контроль наполеоновской Франции. При разделе Европы после поражения Наполеона залив стал австрийским, до того момента, пока на развалинах Австро-Венгрии не возникла Югославия. И все же бокезцы

(так называли себя жители области вокруг Которской бухты) всегда сохраняли волю духа и независимость, да и странно было бы от моряков, избородивших все океаны, ожидать покорности и единомыслия.

Некогда богатый город капитанов и судовладельцев — теперь модный городок с дорогой недвижимостью.

Начало русским визитам в Черногорию положил известный бонвиван, успешный посол всех русских дипломатических миссий в Европе петровской эпохи Петр Андреевич Толстой, тонкий знаток придворной интриги, который окончил свой жизненный путь в духовной твердыне Беломорья — Соловецком монастыре. Но не монахом, а узником. Ему было уже за восемьдесят, когда блистательная дипломатическая карьера вдруг оборвалась в камере — в каменном мешке, где даже некому было рассказать о своей долгой и интересной жизни. В том числе и о посещении Черногории в 1697 г.,

Английская навигационная карта Которского залива. 1802 г.

когда предписано ему было государем присмотреть за тем, как идет обучение «навигационным наукам» боярских детей в городе Перасте. «Вверено ехать в европейские христианские государства для науки воинских дел, а которым наукам им учиться, о том даны каждому из них статьи», — значилось в том царском указе.

Принято считать, что русские учились морской науке у голландцев, благо большая часть русского «морского словаря» происходит от голландских терминов. Это не совсем так. Среди первых наставников будущих русских капитанов значились черногорцы, они же были в числе первых моряков, нанятых Петром I за границей. История сохранила имена пяти матросов, приглашенных царем: Юрий Францев, Марко Дубровников, Антон Степанов, Лука и Петр Николаевы. Далматинские славяне

Мартинович окончил начальную школу при монастыре, а навигацию постигал в море с отцом. С 1694 г. он ходил в дальние рейсы, но постоянно совершенствовал свои познания в морском деле в частных школах и монастырях. Вскоре Мартинович стал одним из самых известных капитанов своего времени на Средиземноморье.

В те далекие времена Бока-Которский залив был оживленным морским перекрестком, а его капитаны славились не только как опытные моряки торгового флота, но и как лихие морские разбойники. Правда, черногорские корсары нападали только на турок. Разумеется, не ради наживы, а исключительно на «идеологической почве».

Сами черногорцы учились морскому делу в Италии или просто у более опытных капитанов и кормчих.

Первую национальную школу для судоводителей открыл все тот же капитан Марко Мартинович лишь в 1697 г. в своем родном Перасте. Дом семьи Мартиновичей сохранился до наших дней. Григорий Островский, входивший в посольство Толстого, сообщал царю Петру из Черногории: «А народ здесь славянский, понимает по-русски. При плавании и в сражениях на море подготовлен лучше, чем венецианцы. В боях против турок на боевых кораблях и галерах этот народ можно похвалить, и лучше их для морского боя нет».

Одна из первых групп морских курсантов из боярских детей была направлена русским царем в малоизвестную Черногорию. И не случайно: России нужно было с кем-то «дружить против турок». С кем-то, кто был слабее, а значит, стал бы слушать ее во всем.

И все же с Черногорией случай особый.

После того как в 1711 г. к духовному лидеру маленькой горной страны Данило I Петровичу Негошу пожаловали послы из Московии и вручили ему послание царя, в котором предлагалось союзничать в борьбе с турками, черногорцы незамедлительно выступили против турецких войск. В июле 1712 г. восемь тысяч черногорцев «оставили за собой поле» на Царёвом лазе, то есть победили значительно превосходящий их 50-тысячный отряд турецкой армии. Но успех в битве обернулся трагедией для всей страны, а причина тому — разгром русской армии в Прутском походе Петра I, едва не закончившемся тогда пленением царя с супругой. Черногорцы, о которых в Петербурге уж и думать забыли, остались один на один с османскими полчищами. И все же черногорцы были единственным народом в Европе, который открыто заявил о своем желании сражаться с турками на суше и на море в союзе с русскими.

с адриатического побережья и несколько русских, злым роком брошенных в Южную Европу. Именно они и стали матросами на первых кораблях регулярного военного флота России.

С матросами было проще, но где взять флотских офицеров? Не нанимать же одних только иностранцев в русский флот! Петр выяснил, какой славянский народ «мореходен». Важно было найти именно славянский народ с богатыми морскими традициями и близкой нам культурой. К тому же, родственность языков лишь упростила бы обучение будущих флотводцев.

Петр I отправил графа Петра Андреевича Толстого в Венецию, которой были подчинены прибрежные славянские земли Черногории и Далмации, снабдив его своей грамотой. В Венеции русской делегации рекомендовали обратиться к капитану Марко Мартиновичу из Черногории.

Церковь Богородицы на Рифе

Турки никогда не прощали ослушников: 120 тысяч янычар вторглись в Черногорию и устроили резню, превратив цветущий край в пепелище с гниющими трупами. Единственное, что тогда не подверглось разорению, — берега Которской бухты, находившейся под протекцией Венецианской республики.

Качество образования в мореходной школе Пераста не вызывало сомнений. В 1698 г. венецианский дож по просьбе русского царя направил в нее 16 русских дворян. Скорее всего, на столь неожиданное решение дожа оказало влияние то, что отрокам было проще понять черногорский язык, нежели итальянский. Да и жить за границей среди единоверцев легче, к тому же в родной православный храм всегда можно зайти.

Обо всем этом можно узнать в морском музее, спрятавшемся в особняке XVIII в. на крохотной площадке, затерянной в лабиринте улочек старого Котора. Преодолеваю два лестничных марша каменной лестницы и оказываюсь в просторном зале, белые стены которого украшают семейные гербы капитанов из Котора и Пераста, кустарные модели кораблей (таких не увидишь даже в знаменитых европейских музеях) и портреты героев той далекой эпохи. Есть и картина

местного художника, который запечатлел как умел капитана Марко Мартиновича, обучающего «боярских сынов». На его столе глобус и морская карта, вокруг разложены навигационные инструменты. Будущие водители фрегатов — в шубах и зипунах, на головах шапки. А вот на обратной стороне холста автор перечислил для истории имена и фамилии курсантов. Их было всего семнадцать, тех первых наших «гардемаринов»: десять князей и семь бояр. Куракин — пасынок царя Петра, три Голицыны, три Игльковых, Репнин, Бутурлин, «Абрам Федорович, брат царицы московской», Шереметьев — брат генерала и другие.

Марко Мартинович охотно согласился принять в школу русских курсантов по просьбе русского царя: это делало ему честь! А русские тоже считали, что оказывают

ГОНДОЛА

своим присутствием честь черногорцам: боярские дети о своем происхождении не забывали! Недаром же князь Борис Иванович Куракин писал в своем дневнике, что пошел учиться в Морскую академию в Перасте и для того тоже, чтобы поднять престиж этого учебного заведения.

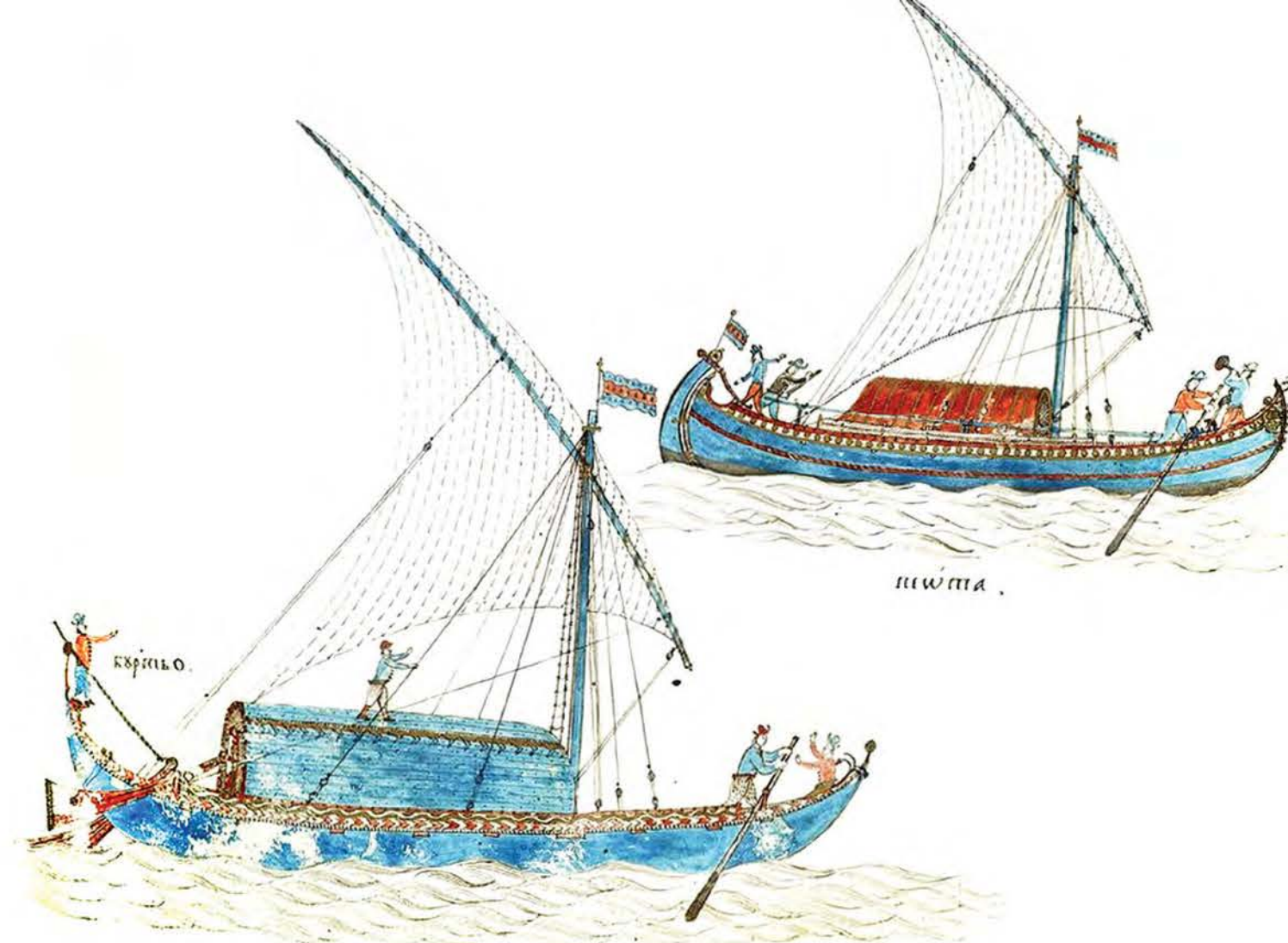
Пераст был в самом расцвете своей славы и могущества. Мореплаванием занимались буквально все его жители. Бедных здесь не было. Горожане строили красивые каменные дома — в подражание итальянцам. Покупали картины и заказывали их у знаменитых мастеров того времени. Собирали книги и дорогую мебель. Вот в такой свободной, раскованной и одновременно утонченной обстановке, где славянская открытость перемешалась с итальянским вкусом, оказались русские «недоросли».

Петр назначил Мартиновичу щедрый гонорар — 50 золотых дукатов. Но Мартинович и сам к тому времени был уже небедным человеком: в порту Пераста

покачивалось сорок его судов, способных ходить с грузом в дальние страны, — более 500 т регистра, да еще сотня парусников помельче.

Русские курсанты чувствовали себя уютно среди черногорцев, почти как дома. Учили их всерьез и по-блажек «мажорам» не делали. Сам Мартинович преподавал навигацию, магнитное дело, гидрометеорологию, чтение морских карт, а также руководил морской практикой на судах. Наши курсанты вели дневники. Так сохранились и имена других преподавателей, в основном итальянцев. Франческо Домияни учил геометрии и фортификации, Коронелли — картографии, Джордано Раджи — астрономии и механике. Практика на судах проходила в Адриатическом и Средиземном морях. В акваторию выходили начальник школы и его помощники: Иван Лазаревич, Иван Кастель и Джордано Раджи.

Дом Мартиновича в Которе

Фрагмент страницы рукописи Марко Мартиновича «Лекции русским морякам в Перасте 1697–1698». Хранится в Российской национальной библиотеке

Важно было и то, что в городе имела православная церковь — небольшая часовня на набережной, которая прилепилась к скале. Она есть до сих пор. А бывало, должно быть, из юношеского любопытства, кадеты отправлялись на ялике или рыбацкой лодке, сторговавшись с хозяином о цене переезда, в католическую церковь Богородицы на Рифе недалеко от Пераста. Она действительно стояла на опасном рифе посреди бухты. Именно там, по местной легенде, еще в середине XV в. братья Мартешичи нашли икону Богородицы.

Памятник Марко Мартиновичу в Перасте

Во время пребывания в Которе наших недорослей безымянный риф уже превратился в искусственный остров: 200 лет здесь затапливали старые корабли, а всякий входящий в порт корабль был обложен своеобразным налогом: он должен был бросить камни на этом месте.

На этот остров сегодня попасть не сложно: туда регулярно ходят прогулочные катера. Столетиями бытует поверие, что икона Богородицы дарует защиту всякому мореходу. Неслучайно здесь собрана самая большая в мире коллекция «экзвото» — 2500 «обетных пластинок» из золота и серебра. ⚓

